РАЗСКАЗЪ ВЕРХОЛОНЦОВА О ПУГАЧЕВѢ.

Билимбаевскій заводскій служитель Верхолонцевъ, будучи 85–ти лѣтъ, разсказывалъ въ 1831 году похожденія свои съ шайкой Пугачева; передаемъ ихъ, какъ разсказъ очевидца. Верхолонцевъ изъ походныхъ сотниковъ Пугачевскихъ дослужился, волей и неволей, до полковника 3–го Яицкаго полка и радъ былъ, по окончаніи этого поприща своего, что могъ попасть опять, по добру по здорову, въ рядовые служители. 1774–й годъ о сю пору въ восточной Россіи слыветъ пугачевскимъ и служитъ въ народѣ исходной точкой для лѣтосчисленія.

18–го января 1774 года — говоритъ Верхолонцевъ — мы впервые услышали о приближеніи Пугачева; я былъ горнымъ писчикомъ и у меня было подъ рукой рабочаго народа до 500 человѣкъ, которые работали на рудникахъ. Молва о

распорядкахъ Пугачева, ненависти его къ помѣщикамъ и боярамъ, всюду поднимала народъ, который, по глупости, радъ былъ такому безначалію; и въ моей командѣ нашлись бойкіе выскочки, за которыми потянули и другіе: всѣ отбились отъ рукъ и грозили мнѣ смертію, коль скоро прибудетъ сюда Великій Государь, какъ народъ звалъ, въ невѣжествѣ и будучи обманутъ, самозванца. Одинъ изъ работниковъ сверзилъ (столкнулъ) меня въ рудную яму, а другіе подняли на меня такой гаркъ, что я радъ былъ, утекши отъ нихъ. Заводскіе прикащики, которыхъ народъ не любилъ, бѣжали въ лѣсъ, не смѣя приклонить головы у буйныхъ крестьянъ; послѣ они добрались до Екатеринбурга; а нѣсколько добрыхъ служителей, не строгихъ до народа, оставались и пировали съ ними за одно, будучи за одно съ ними обмануты, потому что въ началѣ никто на заводахъ не считалъ Пугача самозванцемъ. Я ушелъ въ деревню *Крылосово,* къ шурину своему; около полуночи наскакали разъѣздные изъ шайки; между ними былъ и зять мой изъ

деревни *Черемши*: онъ меня отыскалъ, ударилъ нагайкой соннаго, а когда я вскочилъ, испугавшись, то меня связали, припутали къ стремени и повели на Черемшу въ Билимбаевскій заводъ. Туда прибылъ 18–го января пугачевскій полковникъ Иванъ Наумовичъ Бѣлобородовъ, бывшій командиръ Кунгурскаго уѣзда Богородскаго села, знавшій, какъ сказывали, истиннаго царя Петра Ѳедоровича и убѣждавшій всѣхъ пристать къ самозванцу, называя его царемъ. Мнѣ велѣли явиться къ нему, въ жильѣ у прикащика Антона Ширкалина: я упалъ передъ нимъ на колѣни и просилъ пощады. «Богъ и Великій Государь тебя прощаютъ,» сказалъ суесловъ Бѣлобородовъ. На немъ былъ нагольный тулупъ и сабля на поясѣ. Узнавъ, что подо мной было до 500 рабочихъ, онъ приказалъ мнѣ завтра, чѣмъ свѣтъ, выстроить ихъ и сдѣлать имъ перекличку по горнымъ спискамъ. При Бѣлобородовѣ находился кунгурскій татаринъ *Алзафоръ*, ревностный слуга Пугачева: онъ вездѣ первый кричалъ

на сборищахъ: *Осударь Питеръ Педоровичъ*, а кто чуть только не поддавался ему, того онъ жестоко билъ и истязалъ; этого татарина всѣ боялись. Званіе *походныхъ сотниковъ и старшинъ* несли на себѣ служители Осокинскаго Юговскаго завода, первые послѣдователи Бѣлобородова; всѣ они одѣты и вооружены были по козачьи. Какъ Бѣлобородовъ, такъ и самъ Пугачевъ, старались получить довѣріе народа лестью, притворною трезвостью и кротостью, будучи на самомъ дѣлѣ приверженцами раскольниковъ, съ которыми и были у нихъ тайныя стычки и переговоры, почему они въ душѣ были люты и ненавидѣли всѣхъ православныхъ.

Ночью я выстроилъ своихъ 500 человѣкъ въ одну шеренгу противъ жилья полковника и ждалъ разсвѣта. Бѣлобородовъ всталъ рано и меня тотчасъ позвали. «Что, любезный другъ, исполнилъ ли ты приказъ мой?» спросилъ онъ меня. — Исполнилъ, ваше высокоблагородіе. «Хорошо.» Онъ всталъ со стула, надѣлъ лисій малахай (шапку) напередъ ушами и

вышелъ. Всѣ умолкли; онъ осмотрѣлъ мою рать, выбралъ изъ нея человѣкъ 300, а остальныхъ не принялъ, за старостію, калечествомъ и малолѣтствомъ; потомъ скомандовалъ *фрунтъ*, выхватилъ саблю, оборотился къ старшинамъ и сотникамъ, которые также вынули сабли изъ ноженъ. «Поздравляю тебя,» сказалъ онъ мнѣ, «походнымъ сотникомъ, а васъ, ребята, съ товарищемъ.» Я поклонился; радъ не радъ милости, а надо бы кланяться; меня тотчасъ остригли по козачьи, подъ айдаръ и дали саблю.

Въ этотъ день было много шуму, тревоги и буйства между народомъ; крестьяне и работники перепились, гуляли пьяные по улицамъ, кричали и бушевали; коли кто кричалъ: за здравіе Государя Петра Ѳедоровича, то этимъ покрывалъ всѣ грѣхи, всякое буйство, и могъ дѣлать, что хотѣлъ. Конторскія бумаги и весь архивъ вынесли на площадь и съ пѣснями и бранью сожгли. Кромѣ рудныхъ рабочихъ, многіе иные люди, кто по волѣ, а больше изъ страха, приставали къ шайкѣ

Бѣлобородова; между ними были и заводскіе служители; такъ Герасимъ Стражевъ былъ секретаремъ, Порхачевъ сотникомъ.

Изъ Билимбаевскаго пошли мы въ Васильевской или Шайтанской заводъ, гдѣ насъ встрѣтили хлѣбомъ и солью; Бѣлобородовъ занялъ домъ заводчика Шираева, а я тутъ училъ его писать его имя: Иванъ Бѣлобородовъ, водя руку его своей рукой по бумагѣ. Здѣсь же была у насъ первая стычка: изъ Екатеринбурга пришла команда, подъ начальствомъ капитана Яропольцева; мы взяли въ плѣнъ 60 человѣкъ, и Бѣлобородовъ двоихъ изъ нихъ повѣсилъ, двоихъ казнилъ на плахѣ, четырехъ застегалъ плетьми, а остальныхъ постригъ въ казаки. При этой первой баталіи Бѣлобородовъ удивилъ всѣхъ насъ искусствомъ своимъ стрѣлять изъ пушекъ. На другой день Поркачевъ посланъ былъ на Утку–Демидову, но былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ; самъ Бѣлобородовъ двинулся туда на помощь, но воротился безъ успѣха.

По отбытіи Бѣлобородова, Шайтанцы образумились, возстали и, подкрѣпленные Екатеринбургскою командой, которая вразумляла, что это–де самозванецъ, сожгли жилье полковника. Онъ пошелъ съ нами на Серги (Серганскіе заводы, послѣ Губиныхъ), оттуда на Каслинскій, направляясь къ Оренбургу. Въ Каслинскомъ Бѣлобородовъ вздумалъ привести жителей къ присягѣ; тамъ пошли въ Богородскую слободу, гдѣ стоялъ другой Пугачевскій полковникъ, тоже безграмотный, Самсонъ. Насъ однакоже здѣсь разбили, и вся команда наша разбѣжалась; Бѣлобородова Каслинскій мужикъ увезъ на Саткинскій заводъ, гдѣ мы понемногу стали собираться. Здѣсь мы взяли Пасху, сожгли заводъ и отправили донесенія къ самозванцу въ Берды, подъ Оренбургомъ. Вскорѣ мы услыхали, что Пугачевъ разбитъ княземъ Голицынымъ. Поспѣшивъ изъ Саткни къ нему, мы встрѣтили его подъ Магнитною; здѣсь явились къ нему три полковника: два нашихъ, а третій изъ Сибири. Мы увидали

издали какъ Пугачъ разъѣзжалъ съ наѣздниками около крѣпости; онъ счелъ насъ за непріятелей, потому что мы шли стройно, чего самъ онъ никогда не дѣлывалъ; но когда узналъ, что его полковники, то подъѣхалъ къ палаткамъ своимъ, поднялъ знамя и ждалъ дружины: мы преклонили передъ нимъ свои самодѣлковыя знамена.

При первомъ взглядѣ на мнимаго царя, я усомнился. Сравнивая его съ портретами, я не находилъ никакого сходства; вскорѣ я, какъ многіе другіе, узнали въ немъ несомнѣннаго обманщика, но страхъ преграждалъ уста наши. Пугачевъ былъ средняго роста, плотный, въ плечахъ широкъ, борода окладистая, глаза черные, большіе; на немъ была парчевая бекешъ, родъ козачьяго троеклина; сапоги красные, шапка изъ покрововъ церковныхъ, ограбленныхъ раскольниками; самозванецъ былъ рѣчистъ, голосъ его сиповатый, самъ онъ распорядителенъ, но впрочемъ мужикъ мужикомъ. Когда взяли Магнитную крѣпость, Пугачевъ поѣхалъ по улицамъ, то

какая–то женщина выстрѣлила въ него изъ окна, и ранила его въ правую руку. Ее изрубили на мѣстѣ.

Раненный самозванецъ не могъ ѣздить верхомъ и потому разъѣзжалъ въ коляскѣ. Мы пошли съ нимъ въ Троицкую, взяли ее, но вскорѣ оставили: за нами шелъ отъ царицы генералъ Декалонгъ. Передовые его настигли насъ, окружили меня и сбили съ лошади; но я успѣлъ поправиться и ускакаль. Пугачевъ пошелъ на Красноуфимскъ, гдѣ насъ встрѣтилъ капитанъ Поповъ: была жаркая баталія, но она кончилась ничѣмъ, кромѣ того, что меня ранили, и мы взяли на лѣво, въ Осу, гдѣ командовалъ майоръ *Скрипицынъ*, укрѣпивъ городъ деревяннымъ заплотомъ и навѣсомъ; въ насъ жарили картечью, а во время приступа кидали съ навѣсу каменья и лили кипятокъ и смолу. Отъ насъ привезли много возовъ соломы, поставили въ нѣсколько рядовъ и стали изъ–за нихъ стрѣлять и надвигать ихъ; жители испугались, видя, что мы хотимъ сжечь ихъ, зазвонили въ колокола отбой,

растворили ворота и вывели обезоруженныхъ солдатъ, которые, распустивъ волосы по плечамъ, въ унынiи ждали своей участи. Съ нихъ тутъ же сняли мундиры, остригли и одѣли по козачьи. Майоръ Скрипицынъ съ поручикомъ Минѣевымъ шли, до пристани Рожественскаго Демидовскаго завода плѣнными; это было въ iюнѣ; Скрипицынъ разъѣзжалъ и разговаривалъ съ самозванцемъ, который тутъ переправился за Каму; Скрипицынъ, съ повѣреннымъ князей Голицыныхъ, ночью отправилъ письмо по Камѣ въ Воткинскiй заводъ, къ исправнику Алымову, уговаривая его вооружиться противъ самозванца и обѣщая ему помощь. Поручикъ Минѣевъ открылъ это Пугачеву: посланныхъ догнали на Камѣ, а Скрипицына и Ключникова повѣсили. За это поручикъ сдѣлался любимцемъ самозванца, который пошелъ внизъ по Камѣ, на Воткинскiй. Здѣсь не встрѣтили мы сопротивленiя; начальники уѣхали, управляющiй скрылся, полковникъ Грязной засѣлъ въ прудъ, выставивъ одну голову;

того сожгли въ избѣ, обложивъ ее соломой, а этого повѣсили.

Въ Ижевскомъ встрѣтили насъ мирно, хлѣбомъ и солью; и мы тутъ не бушевали; силы нашей прибывало, и самозванецъ рѣшился идти на Казань. Пришли и стали на Арскомъ полѣ; Пугачевъ написалъ вызовы, чтобы сдавались; казанцы насмѣхались надъ нами; на другой день двинулись на городъ, куда подулъ и сильный вѣтеръ. Завязался бой, густой дымъ гнало въ городъ; скоро сбили мы казанцевъ съ валу, вошли въ городъ, зажгли его и уже до 15 т. нашихъ ворвались въ крѣпость, но ихъ тамъ заперли. Пугачевъ хотѣлъ задушить головнями засѣвшихъ тамъ; жгли, рѣзали и грабили; разграбили и монастырь, а игуменью съ монахинями вывели на Арское поле; разбили острогъ и выпустили колодниковъ, въ томъ числѣ жену и сына Пугачева. Въ числѣ добычи на пиршество побѣды вывезли на Арское поле 15 бочекъ вина: самозванецъ угощалъ дружину свою послѣ каждой удачи.

Настала ночь, развели огни, расположились по полкамъ и начали попойку; Пугачевъ самъ разъѣзжалъ по стану: говоръ, крикъ и пѣсни длились далеко за–полночь, хотя всѣ очень утомились. Только что призатихло немного, да сонные туда–сюда повалились съ похмѣлья, какъ вдругъ сталась тревога: подполковникъ Михельсонъ, занимавшій Царицыно (село), напалъ на насъ, на хмѣльныхъ и сонныхъ. Кто куда могъ — давай Богъ ноги; много тысячъ нашихъ было побито и легло тутъ, много взято въ плѣнъ и весь обозъ и артиллерія пропали.

На другой день собрались мы кое–какъ, хотѣли устоять; опять на насъ насѣли, и вѣтеръ погналъ дымъ на насъ. Это, сказали многіе, дурная примѣта. Насъ сбили съ поля; 5 т. человѣкъ съ Бѣлобородовымъ отрѣзали, полонили вмѣстѣ съ полковникомъ; а самозванецъ съ остальною шайкою бѣжалъ вверхъ по Волгѣ, въ Сундырь.

Обезоруженныхъ плѣнниковъ подполковникъ Михельсонъ сталъ

отпускать по домамъ, приказавъ находящемуся при немъ служителю Серганскаго завода, Гаврилѣ Владимірову осматривать плѣнниковъ, не будетъ ли между ними самаго Пугачева, или кого изъ главныхъ его приверженцевъ. Владиміровъ сначала служилъ Бѣлобородову въ Саткинскомъ заводѣ, съѣздилъ оттуда съ донесеніями къ Пугачеву, въ Берду: оттуда, догадавшись, что Пугачъ обманщикъ, перешелъ къ Голицыну, а отъ него поступилъ къ Михельсону. Онъ всѣхъ зачинщиковъ зналъ въ лице. Онъ узналъ тотчасъ же Бѣлобородова, и его задержали вмѣстѣ съ бывшими при немъ дочерьми. Слышно было послѣ, что онъ казненъ въ Москвѣ.

Сундырь наши разграбили и сожгли за то, что жители потопили суда, чѣмъ много затруднили переправу нашу черезъ Волгу. Отъ Сундыря пошли мы Мордвой и Черемисой; народы эти, по склонности къ идолопоклонству, ненавидѣли поповъ своихъ; а какъ христонаступникъ Пугачевъ не щадилъ ихъ, задобривая народъ, то

этотъ и самъ сталъ съ ними безчеловѣчно управляться. Въ Курмышѣ, на Сурѣ, близь Алатыря, человѣкъ 200 бояръ разнаго рода съ людьми своими и пожитками думали спастись на одномъ небольшомъ островѣ; они даже вооружились кто чѣмъ могъ, и роздали людямъ своимъ оружіе, надѣясь отстоять островъ въ случаѣ нападенія; но когда Пугачевъ приблизился, то прислуга сдѣлалась непокорною, перевязала господъ своихъ и выдала ему. Всѣхъ ихъ, не исключая и женщинъ и младенцевъ, безчеловѣчно перегубили. Взяли Алатырь, пошли на Саранскъ; архимандритъ саранской пустыни встрѣтилъ самозванца съ крестомъ, за что его впослѣдствіи кн. Голицынъ повѣсилъ. Между тѣмъ, Пугачевъ ѣздилъ обѣдать въ монастырь, гдѣ по незнанію истины, или отъ страху приняли его съ почетомъ. Въ станъ Пугачева привели тутъ генерала Цыплятева съ женою, двумя дочерьми и малолѣтнимъ сыномъ; всѣхъ ихъ безбожно казнили позорною смертію, жену и дѣтей повѣсили,

а Цыплятева истязали мученически до смерти.

Оттуда пришли мы, чрезъ Пензу, въ г. Петровскъ, гдѣ насъ встрѣтили безъ бою; но, боясь Суворова, о которомъ слухи ходили для Пугача нехорошіе, онъ поворотилъ на Саратовъ. Здѣсь шло жестокое сраженіе съ городомъ и гарнизономъ; наконецъ принуждены были сдаться Пугачеву, но все начальство ушло въ Царицынъ. Преслѣдуемые Суворовымъ, пошли мы въ Дубовку, гдѣ на перепутьи явились къ самозванцу Донцы, человѣкъ до 500, въ полномъ вооруженіи, въ самомъ исправномъ видѣ. Пугачевъ очень радъ былъ этому подкрѣпленію и принялъ ихъ съ великою честію, не подозрѣвая того, что ему бы лучше было потерять еще 1000 человѣкъ своихъ, чѣмъ принять эти 500.

Мы пришли въ Камышинъ, распустили тамъ тюрьму и разбили винный подвалъ: до 600 бочекъ, по приказанію Пугачева, выпустили въ подвалъ, не давая никому пить: однако арестанты и чернь пили съ

земли припадкою и черпая вино шляпами и рукавицами; городъ вскорѣ наполнился пьяными и буйными шатунами, пошелъ грабежъ; Пугачевъ, не посмѣвъ долѣе тутъ оставаться, изъ опасенія погони, пошелъ на Царицынъ, далъ тамъ одинъ только выстрѣлъ въ Московскія вороты и, безъ роздыху почти, пошли далѣе, на Астрахань. Сколько ни бѣжать, говорится, а гдѣ нибудь да постоять; остановились мы на ночевку, не доходя Черноярска. Михельсонъ шелъ за нами по пятамъ и ночью подошедъ, также остановился версты за 2 или за 3; у насъ объ эту пору было до 60–т. такъ называемаго войска, т. е. разнаго сброду въ нестройныхъ толпахъ, и до 60–ти орудій, вновь забранныхъ въ разныхъ мѣстахъ, послѣ пораженія нашего подъ Казанью. Но всѣ крѣпко упали духомъ, и одинъ только страхъ удерживалъ огромную шайку около Пугачева; помню, что и я думалъ было уйти нѣсколько разъ; но боялся, не ожидая доброй участи, если даже и попадусь въ руки войскъ Царицы.

Утромъ, на солновосходѣ, Михельсонъ напалъ на насъ. Нельзя было болѣе избѣжать встрѣчи, и началось жаркое сраженіе: при этомъ случаѣ оказалось, что вновь приставшіе къ намъ Донцы загвоздили пушки наши, или подрубили оси и колеса у лафетовъ. Пугачевъ былъ разбитъ на голову и бѣжалъ въ Черный Яръ съ шестью только человѣками; тамъ, переплывъ Волгу, бѣжали они въ камыши на рѣчкахъ Узеняхъ, между Волгой и Яикомъ. Но здѣсь товарищи его, видя, что уже все кончено и пора неминучая настала, рѣшились искупить свои головы его головой, почему, схвативъ его внезапно, связали и привезли сначала въ Яицкую крѣпость (Уральскъ), а потомъ въ Симбирскъ, гдѣ были тогда Суворовъ и Панинъ.

Про себя Верхолонцовъ прибавилъ: я уже сказывалъ, что въ Билимбаевскомъ заводѣ Бѣлобородовъ произвелъ меня въ походные сотники: въ этомъ чинѣ служилъ я до 7–го августа и былъ почти во всѣхъ сраженіяхъ, сперва съ Бѣлобородовымъ, а

потомъ съ самимъ Пугачевымъ. У Красноуфимска былъ я раненъ и, находясь близь своей родины, думалъ бѣжать, но сробѣлъ и остался, тѣмъ болѣе, что за мной, по приказанію Пугача, присматривали и раненаго возили въ телѣгѣ. Съ другой стороны и не знаешь, куда бѣжать и на кого Богъ приведетъ наткнуться: у Красноуфимска стоялъ капитанъ Поповъ, съ солдатами и вооруженными крестьянами, и, какъ слышно было, не давалъ никому изъ шайки Пугачева никакой пощады. Такимъ образомъ я оставался прикованнымъ къ судьбѣ самозванца, до самаго конца ея, хотя и зналъ уже положительно, что онъ обманщикъ и разбойникъ, и вовсе не желалъ быть товарищемъ его, какъ я и поступилъ въ шайку его противъ воли, по милости моего зятя. Я былъ освобожденъ, въ числѣ другихъ плѣнныхъ, и по милости царицы скоро послѣдовало всепрощеніе.